

ФОЛЬКЛОР И РЕЛИГИОЗНЫЕ РИТУАЛЫ БУРЯТ

Научная статья

УДК 94(57)

DOI 10.30792/3033-6015-2026-3-58-62

Д. Б. Батоева**ЛЕГЕНДА О БАЛЬЖИН-ХАТАН В КУЛЬТУРЕ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ БУРЯТ: ИСТОЧНИКИ, ТРАНСФОРМАЦИИ И СОВРЕМЕННОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ**

Статья посвящена исследованию легенды о Бальжин-хатан – одному из наиболее значимых сюжетов бурятской историко-культурной традиции. На основе анализа бурятских летописей, монгольских письменных памятников, фольклорных материалов и современных исследований рассматриваются основные этапы формирования и трансформации данного образа. Показано, что образ Бальжин-хатан – сложный многослойный комплекс, вобравший мотивы эпохи Монгольской империи, позднесредневековых миграционных процессов и локальных бурятских преданий. Легенда продолжает играть важную роль в процессах этнокультурной самоидентификации бурят и сохраняет актуальность как символ исторической преемственности и культурного наследия.

Ключевые слова: историческая память, бурятские летописи, этническая идентичность, Центральная Азия, коллективная память, культурное наследие.

Для цитирования: Батоева Д. Б. Легенда о Бальжин-хатан в культуре и исторической памяти бурят: источники, трансформации и современное осмысление // Восточный азимут: экономика, социология, этнология. – 2026. – № 3(6). – С. 58–62. DOI: 10.30792/3033-6015-2026-3-58-62

D. B. Batoeva**THE LEGEND OF BALZHIN-KHATAN IN BURYAT CULTURE AND HISTORICAL MEMORY: TRANSFORMATIONS, AND CONTEMPORARY UNDERSTANDING**

This article explores the legend of Balzhin-Khatan – one of the most significant narratives in the Buryat historical and cultural tradition. Based on an analysis of Buryat chronicles, Mongolian written monuments, folklore, and modern research, the main stages of the formation and transformation of this image are examined. It is shown that the image of Balzhin-Khatan represents a complex, multilayered complex, incorporating motifs from the Mongol Empire, late medieval migration processes, and local Buryat traditions. The legend continues to play an important role in the processes of Buryat ethnocultural self-identification and remains relevant as a symbol of historical continuity and cultural heritage.

Keywords: historical memory, Buryat chronicles, ethnic identity, Central Asia, collective memory, cultural heritage.

Введение

Легенда о Бальжин-хатан занимает особое место в системе историко-культурных представлений бурятского народа. На протяжении нескольких столетий этот образ сохраняет устойчивую популярность, выступая не только элементом фольклорного наследия, но и важным символом исторической памяти и этнической идентичности. В бурятской культурной традиции фигура Бальжин-хатан ассоциируется с представлениями о происхождении народа, миграциях, трагических событиях прошлого и сохранении этнической общности. Благодаря этому легенда продолжает активно функционировать как в устной среде, так и в современных формах культуры. Интерес к образу значительно усилился в конце XX – начале XXI в. Это связано с более широкими процессами переосмысления региональной истории, поиском локальных форм культурной репрезентации и обращением к национальным историческим сюжетам. В современных условиях образ героини активно используется в литературе и театральных постановках. Особое значение имеет тот факт, что Бальжин-хатан постепенно превраща-

Батоева Дарима Баторовна – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). ORCID 0000-0002-9093-2471. E-mail: darbatin@gmail.com.

Batoeva Darima Batorovna – Candidate of Sciences in History, Junior Researcher of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russia). ORCID 0000-0002-9093-2471. E-mail: darbatin@gmail.com.

ется в один из наиболее узнаваемых женских образов бурятского исторического сознания. В условиях роста интереса к проблемам женской истории и гендерных аспектов культурной памяти данный образ приобретает дополнительную актуальность. Через него осмысляются вопросы женского героизма, трагической судьбы народа и сохранения культурной традиции.

Проблема исторической реконструкции образа остается одной из наиболее сложных в исследовательской литературе. Это обусловлено прежде всего многообразием источников и значительной степенью их противоречивости. К числу основных источников относятся бурятские летописи и фольклорные тексты. При этом ни один из источников не дает однозначного описания событий, связанных с Бальжин-хатан. Напротив, сопоставление различных версий выявляет значительные расхождения как в биографических деталях, так и в интерпретации ключевых сюжетных мотивов.

Следует учитывать, что традиционная культура Центральной Азии характеризуется особым типом отношения к историческому знанию. Исторические события в подобных обществах редко сохраняются в форме точной хроники, гораздо чаще они подвергаются переосмыслению, адаптации и символизации. В результате реальные исторические события и персонажи постепенно превращаются в элементы коллективной памяти, где фактическая достоверность уступает место культурной значимости. В этой связи легенда о Бальжин-хатан представляет особый интерес как пример длительного процесса формирования историко-культурного образа. Анализ данной трансформации позволяет проследить механизмы взаимодействия письменной и устной традиции, а также выявить способы интеграции различных исторических пластов в единый повествовательный комплекс.

Источники и историография

Изучение легенды о Бальжин-хатан опирается на широкий круг письменных и устных источников. Среди них особое место занимают бурятские летописи, в которых сюжет получил наиболее полное отражение. Уже в ранних летописных текстах заметна сложная структура повествования [Mongyol uran 1959; Нацагдорж 2014; Цыдендамбаев 1972]. В них сочетаются элементы различных исторических эпох, мотивы миграций, политических конфликтов и династических связей, и это позволяет предположить, что летописная традиция фиксировала не единый исторический рассказ, а результат длительного накопления и переработки различных преданий. Особое значение в данных текстах имеют сюжеты, связанные с происхождением хоринских родов. В ряде случаев легенда о Бальжин-хатан выступает частью более широкого повествования об этногенезе бурят и о происхождении отдельных племенных групп, поэтому ее исследование невозможно вне контекста изучения исторической памяти и родовых преданий.

В XIX в. происходит активное развитие бурятской летописной традиции, когда летописцы стремились систематизировать исторические сведения и встроить локальные предания в общий центральноазиатский исторический контекст. Д. Дарбаев и А. Саагиев связывали происхождение хоринцев с южными тумэтами и политическими структурами Южной Монголии [Бурятские летописи 1995: 170; Буярадай түүхэ бэшэгүүд 1998: 8]. Подобные интерпретации отражали стремление соотнести бурятскую историю с известными государственными образованиями монгольского мира.

Однако уже в начале XX в. некоторые исследователи критически оценивали подобные реконструкции. Ж. Бошоктуев написал отзыв на работы Д. Дарбаева и А. Саагиева, где убедительно критиковал их за искусственное притяжение древней истории хоринцев к позднесредневековым южно-монгольским тумэтам и указывал на отсутствие достаточных источниковых оснований для подобных выводов (см.: [Цыдендамбаев 1972: 180]). Впоследствии исследователи отмечали, что многие летописные версии XIX в. носят реконструктивный характер и отражают прежде всего мировоззрение самих летописцев.

Важную роль в изучении легенды сыграли труды Ц. Жамцарано, собравшего значительный корпус бурятских фольклорных материалов. Его записи показали, что устная традиция значительно более вариативна, чем летописные тексты [2001]. В разных районах Бурятии существовали собственные версии предания, различавшиеся как деталями сюжета, так и трактовкой происхождения героини.

Современная историография рассматривает легенду о Бальжин-хатан как сложный историко-культурный феномен, сформировавшийся в результате взаимодействия различных традиций [Цыбикдоржиев, Батоева 2023]. Исследователи все чаще обращают внимание не столько на поиск «реального прототипа» героини, сколько на механизмы формирования коллективной памяти и процессы символизации исторического опыта [Цыбикова, Дампилова 2020].

Фольклорная традиция: трансформация сюжета и историческая память

Одна из важнейших особенностей легенды о Бальжин-хатан – ее постоянная трансформация. Уже ранние летописные тексты демонстрируют наличие различных вариантов повествования. В дальнейшем этот процесс становится еще более заметным.

В XIX в. бурятские летописцы активно перерабатывали существующие предания, стремясь придать им большую историческую достоверность. В этот период усиливается тенденция к включению в сюжет конкретных исторических персонажей и политических событий, появляются версии о связи Бальжин-хатан с тумэтскими правителями и чахарским ханством.

В трудах В. Юмсунова и Ш.-Н. Хобитуева появляется гипотеза о связи Бальжин с Лигдэн-ханом – последним крупным правителем чахарских монголов [Бурятские летописи 1995: 38; Бурядай түүхэ бэшэгүүд 1992: 10]. Данная версия отражала стремление вписать локальное предание в общеисторический контекст монгольской истории. Однако прямых источниковых подтверждений этой гипотезы обнаружено не было.

Следует отметить, что бурятские летописцы XIX в. нередко не только фиксировали предания, но и выполняли роль своеобразных интерпретаторов прошлого. Их тексты отражают стремление создать целостную историческую картину происхождения народа и объяснить его место в истории Центральной Азии. При этом сама фигура Бальжин-хатан постепенно приобретала все более символический характер. Если ранние предания могли сохранять память о конкретных исторических событиях, то поздние версии все чаще интерпретировали образ героини как воплощение судьбы народа и символ коллективной трагедии.

Особое значение для изучения легенды имеет бурятский фольклор. Именно устная традиция сохранила наиболее разнообразные и архаичные варианты предания. Анализ фольклорных текстов показывает, что многие из них существовали независимо от письменной традиции и отражали локальные особенности исторической памяти. Фольклорные версии легенды отличаются высокой степенью вариативности. В одних преданиях Бальжин-хатан – представительница монгольской знати, в других – героиня, связанная с местными бурятскими родами. Различаются также мотивы ее гибели, причины миграций и роль в судьбе народа. В ряде текстов Бальжин связывается с эпохой династии Юань и фигурой последнего императора Тогон-Тэмур [Жамцарано 2001: 135]. Исследователи отмечали также возможные параллели между образом Бальжин и биографией императрицы Ки – одной из наиболее известных женщин поздне-юаньского периода [Цыбикдоржиев, Батоева 2023: 63].

Подобные совпадения позволяют предположить, что в основе предания действительно могли лежать реальные исторические события, связанные с международными контактами Монгольской империи, однако в процессе длительного существования данные сюжеты подверглись значительной переработке. Особую роль в сохранении памяти о Бальжин-хатан играли шаманские представления. В бурятской традиции ее имя в разных вариациях (Бальжид, Бальжир) проявлялось в культе популярного онгона Хойморойхи и в культе Далайн эжэн (Хозяина моря). Это свидетельствует о том, что Бальжин воспринималась не только как исторический персонаж, но и как сакральный образ. Сохранение подобных культов демонстрирует важную особенность бурятской традиции – способность длительного сохранения исторической памяти через религиозную практику. Даже в условиях модернизации отдельные элементы данных культов продолжают существовать как символы культурной преемственности.

Образ Бальжин-хатан: механизмы трансформации и воспроизводства

Одним из наиболее дискуссионных вопросов остается историческая основа легенды. Анализ источников показывает, что образ Бальжин-хатан имеет сложную многослойную структуру. Вероятно, первоначальное ядро легенды связано с событиями эпохи Монгольской империи. На это указывают мотивы морских походов, контактов с Кореей и Китаем, а также отдельные элементы придворной культуры, отраженные в преданиях. В дальнейшем к этому первоначальному пласту присоединились более поздние исторические мотивы. Особую роль в этом процессе могли сыграть миграции хори-туматов и взаимодействие различных монгольских племенных групп в XV–XVII вв. [Буяндэлгэр 2012: 192]. Именно на этом этапе происходит локализация сюжета в пространстве исторической памяти бурят. События, первоначально связанные с иными регионами Центральной Азии, постепенно переносятся в локальное пространство, связанное с историей хори-бурят. Подобная трансформация ха-

рактерна для многих традиционных обществ. Историческая память в них формируется не путем точного воспроизведения событий, а через их адаптацию к актуальным культурным потребностям, в результате реальные исторические персонажи становятся носителями символических значений.

Важную роль в сохранении предания о Бальжин-хатан играет пространство памяти. Многие географические объекты, связанные с легендой, приобретают сакральное значение и становятся частью культурного ландшафта. Особое значение имеет оз. Бальзино, а также маршруты миграций хори-бурят, связанные с преданиями о Бальжин-хатан. Подобные места воспринимаются как материальные свидетельства исторической памяти и включаются в систему культурного наследия. Сакрализация пространства является характерной особенностью культур Центральной Азии. Историческая память закрепляется не только в текстах и обрядах, но и в географии. Через ландшафт формируется представление о связи народа с его прошлым. В современных условиях подобные процессы приобретают новое значение: исторические маршруты и памятные места могут стать объектами этнокультурного туризма и важным элементом региональной идентичности.

Во второй половине XX – начале XXI в. образ Бальжин-хатан получил новое развитие в художественной культуре. Значительную роль в этом сыграли музыкально-драматические постановки, существенно повлиявшие на массовое восприятие легенды. В них Бальжин-хатан все чаще выступает символом национальной трагедии и одновременно воплощением духовной стойкости народа. Особую популярность получили произведения, в которых история Бальжин интерпретируется через призму эмоционального переживания коллективной судьбы. При этом художественные произведения нередко отходят от исторической реконструкции, усиливая символическое содержание сюжета.

В современной культуре образ Бальжин-хатан постепенно превращается в универсальный символ исторической памяти, женской стойкости и культурной преемственности. Подобная трансформация характерна для многих народов Центральной Азии, где легендарные женские образы играют важную роль в формировании национальных нарративов.

Заключение

Таким образом, легенда о Бальжин-хатан – сложный многослойный историко-фольклорный комплекс, сформировавшийся в результате длительного взаимодействия различных культурных и исторических традиций. В ее основе лежат как реальные исторические события эпохи Монгольской империи, так и более поздние предания, связанные с миграциями и политическими процессами XV–XVII вв. Анализ письменных и фольклорных источников показывает, что образ Бальжин-хатан не может рассматриваться исключительно как отражение конкретной исторической личности. Он представляет собой культурный конструкт, сформированный в результате многовекового переосмысления исторического опыта.

Особое значение имеет факт, что легенда продолжает активно функционировать в современной культуре, через нее осмысляются вопросы происхождения народа, коллективной памяти, женского героизма и исторической судьбы бурят. Исторические предания не являются исключительно реликтами прошлого, напротив, они продолжают участвовать в формировании культурной идентичности и становятся частью современного символического пространства. Функционирование образа Бальжин-хатан в художественной культуре и в общественном дискурсе – пример того, как легенда продолжает играть важную роль в процессах этнокультурной самоидентификации бурят и сохраняет актуальность как символ исторической преемственности и культурного наследия. В этом смысле легенда о Бальжин-хатан представляет интерес не только для изучения бурятской культуры, но и для более широкого исследования механизмов функционирования исторической памяти в традиционных обществах Центральной Азии.

Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Археологические культуры и этнические общности в динамике социокультурных процессов Внутренней Азии») № 126020616724-3.

Литература

- Mongyol uran jokiyaal-un degeji jaγun bilig orošibai (Сто образцов монгольской литературы) / под ред. Ц. Дамдинсэрна. – Улан-Батор, 1959. – (Серия Corpus Scriptorum Mongolorum. Т. XV).
- Буряадай түүхэ бэшэгүүд. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1992. – 240 с. (на бурят. яз.).
- Буряадай түүхэ бэшэгүүд. 2-р ном / сост. Ш. Б. Чимитдоржиев. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1998. – 143 с. (на бурят. яз.).

Бурятские летописи / сост.: Ш. Б. Чимитдоржиев, Ц. П. Ванчикова. – Улан-Удэ, 1995. – 198 с.

Буяндэлгэр Дж. Этническая история баргутов (XV–XVII вв.) // Культурное наследие народов Центральной Азии. Вып. 3 / отв. ред. М. М. Содномпилова. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. – С. 183–206/

Жамцарано Ц. Путевые дневники, 1903–1907 гг. / Ц. Жамцарано. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН 2001. – 380 с.

Нацагдорж Б. Бүүвэй бэйлийн судар хэмээх сурвалжийн тухай / Б. Нацагдорж // Эрдэм шинжилгээний бичиг. – 2014. – № 397(34). – С. 200–205.

Цыбикдоржиев Д. В. Легенда о Бальжин-хатан в культуре и истории Бурят / Д. В. Цыбикдоржиев, Д. Б. Батоева // Journal of Intercultural Dialogue. – 2023. – Vol. 1. – P. 54–69.

Цыбикова Б.-Х. Б. История и мифологизация персонажей в бурятских преданиях (на примере образа Бальжан) / Б.-Х. Б. Цыбикова, Л. С. Дампилова // Научный диалог. – 2020. – С. 262–271.

Цыдендамбаев Ц. Б. Бурятские исторические хроники и родословные. – Улан-Удэ: Бурят.кн. изд-во, 1972. – 662 с.

References

Mongyol uran jokiyal-un degeji jayun bilig orošibai (Sto obrazcov mongol'skoj literatury) / pod red. C. Damdinsrena. – Ulan-Bator, 1959. – (Seriya Corpus Scriptorum Mongolorum. T. XV).

Buryadaaj түүхэ бeсһегүүд. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1992. – 240 с. (на buryat. yaz.).

Buryadaaj түүхэ бeсһегүүд. 2-р ном / sost. Sh. B. Chimitdorzhiev. – Ulan-Ude: BNC SO RAN, 1998. – 143 с. (на buryat. yaz.).

Buryatskie letopisi / sost.: Sh. B. Chimitdorzhiev, C. P. Vanchikova. – Ulan-Ude, 1995. – 198 s.

Buyandelger Dzh. Etnicheskaya istoriya bargutov (XV–XVII vv.) // Kul'turnoe nasledie narodov Central'noj Azii. Vyp. 3 / otv. red. M. M. Sodnompilova. – Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN, 2012. – S. 183–206/

Zhamcarano C. Putevye dnevniki, 1903–1907 gg. / C. Zhamcarano. – Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN 2001. – 380 s.

Nacagdorzh B. Бүүвэй бeйлйн судар һeмeekh сурвалзһийн туһай / Б. Nacagdorzh // Erdem shinzhil geenij bichig. – 2014. – № 397(34). – S. 200–205.

Cybikdorzhiev D. V. Legenda o Bal'zhin-hatan v kul'ture i istorii Buryat / D. V. Cybikdorzhiev, D. B. Batoeva // Journal of Intercultural Dialogue. – 2023. – Vol. 1. – P. 54–69.

Cybikova B.-H. B. Istoriya i mifologizaciya personazhej v buryatskih predaniyah (na primere obraza Bal'zhan) / B.-H. B. Cybikova, L. S. Dampilova // Nauchnyj dialog. – 2020. – S. 262–271.

Cydendambaev C. B. Buryatskie istoricheskie hroniki i rodoslovnnye. – Ulan-Ude: Buryat.kn. izd-vo, 1972. – 662 s.

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.06.2026;

одобрена после рецензирования: 24.06.2026;

принята к публикации: 03.09.2026.

Date of the article submission to the editorial board: 08.06.2026;

approved after reviewing: 24.06.2026;

accepted for publication: 03.09.2026.